

По непрекращающемуся звону колокольчика я понял, что на сегодня все окончено. Как вы понимаете, да, у меня студенческая жизнь не очень напряженная, но довольно раздражающая. Выйдя из класса и выйдя из школы в ленивой позе, я не мог не думать о том, как я запутался, не зная, в каком мире я перевоплотился. По крайней мере, я знаю, что перевоплотился в тело кого-то сильного. В этом мире меня зовут Хаширама Сенджу. Я принадлежу к семье, владеющей антикварным магазином, где живут шесть братьев и сестер, а также наш отец Буцума Сенджу. Мои братья и сестры, некоторые из них от предыдущих браков моего отца. Например, братья и сестры, с которыми я лучше всего лажу, — это Тобирама Сенджу, который от предыдущего брака, Цунаде, тоже от другого брака, и, наконец, Итама, у которого одна мать с Тобирамой. Что касается двух других моих братьев и сестер, они мне не нравятся, потому что они ублюдки и просто не ладят со мной. Юи Сенджу и Ройко Сенджу — близнецы, дети моей матери, которую, по воспоминаниям этого тела, я встретил всего один раз, когда мне было четыре года, и она была в очень плохом физическом состоянии из-за какого-то рака. Мои старшие братья высокомерны, и, поскольку они совершеннолетние, им суждено получить от старика наследство, включающее в себя не только антикварный магазин, но и додзё, доставшееся нашей семье в наследство на протяжении сотен лет, видимо, с эпохи называемый периодом Хэйан. Говорят, что наша семья является или была грозными воинами; в прошлом, вместе с другими древними кланами, мы находились в постоянной войне. Первоначально те кланы, которые были главными героями этой войны: клан Сендзю, клан Годзё, клан Зенин, клан Инумаки и клан Камо, причем Годзё, Зенин, Сенджу и Камо были наиболее известны своей постоянной линией боевых вундеркиндов, но начиная с периода Нара, который предшествовал периоду Хэйан, Годзё и Сенджу участвовали в войне и конфликтах, которые до этого никто не выигрывал из-за чудовищной силы обеих сторон. Но в период Хэйан этому придет конец. Зенин и Сенджу также были непримиримыми соперниками, потому что Сенджу были зверями во всех смыслах этого слова, а также в обращении с оружием, в чем клан Зенин мог в основном преуспеть. Поэтому из-за ненависти и ссор с Зенинами и Годзё, они объединились, привлекая Инумаки на свою сторону, и вынудили Камо тоже присоединиться, потому что, если бы они этого не сделали, они были бы убиты, что привело бы к концу клана Сенджу. Хотя клан Сенджу продемонстрировал бездонную силу, она была просто слишком сильной против них, что привело к довольно равной резне, поскольку Сенджу были известны тремя вещами: своей физической силой и живучестью, потрясающими навыками владения оружием и врожденными способностями. чудеса. По этой причине многие небольшие кланы называли Сенджу машинами для убийства. В эпоху Нара господствовали Сенджу, с 790 по 793 год до нашей эры прошло почти 4 года. В то время Сенджу уже были уничтожены, по крайней мере, так казалось, но другие кланы также понесли большие потери. В последней битве Зенин потерял члена, который, как считалось, обладал какой-то магической техникой или чем-то в этом роде. Идя по одной из улиц, я вздохнул и посмотрел на небо: — Нам тогда очень повезло, — пробормотал я про себя. Серьезно, если бы наши предки не скрыли и не стерли свое присутствие, нас бы сейчас не существовало. Всю эту информацию мне рассказал старик Буцума, и, честно говоря, я не знаю, верю ли я ему. В этом мире есть странные существа, называемые проклятиями. В этот момент мои чувства обострились, заставив меня смотреть во все стороны. Я только что видел одну из этих деформированных штук на женском плече. Физически женщина имела потерянный вид и довольно изнуренный вид; видимо, это проклятие подействовало на нее. Я всегда мог их видеть, но мой отец велел мне не приближаться к ним, потому что если бы я это сделал, я бы попал в мир, из которого нет возврата, мир, из которого я не смог бы выбраться, если бы не умер. Поэтому, несмотря на желание помочь ей, я прошел мимо и удивился тому, что произошло дальше. Женщина продолжала идти, ни о чем не заботясь, и, поскольку что-то неизбежно должно было случиться, ее сбила машина. Было 18:03; Я это ясно помню. Я впервые видел нечто подобное и, честно говоря, меня это ничего не вызвало. Не знаю, произошло ли это из-за самого тела или другого фактора, но в моей памяти записано все: как машина посигналила, как она повалила

ее на землю, как ее тело безжизненно покатилося, могильная тишина Из людей мужчина выходит из машины и в отчаянии бежит к женщине. И что вызвало у меня больше всего ненависти: взгляд и издевательский смех этой штуки. Оно выглядело как деформированный примат, тощий, с шестью глазами и жуткой коричневой улыбкой, с белыми волосами на спине. Обезьяна, незамеченная окружающими обычными людьми, начала танцевать и смотреть на умирающую женщину, в то время как ее смех разносился эхом, но, к сожалению, никого это не заботило. Мой взгляд остановился на обезьяне, которая продолжала танцевать, пока не вздрогнула и не огляделась. Из толпы я просто наблюдал за ним, видя, как его жестокость и садизм сменились волной страха, пробежавшей по его существу, привлекающей панику в его жалкое существование. Однако это все, что я мог сделать. Я не знал, на что способна эта штука, и не хотел рисковать собой ради этой женщины. Первое, что я установил, придя в этот мир три года назад, это то, что я не герой и не добрый самаритянин. Я ушел с места происшествия, пытаюсь избавиться от дискомфорта. Иногда этот мир показывал свое истинное лицо, напоминая мне, насколько мы, люди, хрупки. С этой мыслью я продолжил путь домой. Чтобы попасть к себе домой, мне сначала пришлось пройти мимо антикварного магазина моего отца, дверь которого вела в семейное додзё. Прогуливаясь, я прошел мимо открытого магазина. Там было много полок с едой, лотерейными автоматами и вообще всеми необходимыми вещами. Продавщица была молодая девушка с черными волосами и темными глазами в рабочей одежде: красный фартук, черная рубашка и черные брюки. На бейджике с ее именем было написано: М. Айко. – Она тепло улыбнулась мне и спросила: – Привет, добрый вечер. Добро пожаловать в Ёузу, ваш надежный магазин. Что бы вы хотели купить? На ее теплое приветствие я лишь улыбнулся и ответил: — Я просто пришел перекусить и что-нибудь поесть. Девушка улыбнулась в ответ и указала пальцем на конец прохода слева. – В этом проходе лежат вещи, которые вы ищете, молодой человек. Я кивнул и со словами «Спасибо» направился туда, куда она указала. Идя по проходу, я схватил яблочный сок, любимый Цунаде, которая ненавидела газировку. Увидев красный цвет сока, я вспомнил сцену, когда женщину сбили. «В этом мире люди слишком хрупкие», — подумал я. В памяти всплыли воспоминания о том, как умерла женщина и как это проклятие смеялось ей в лицо. Я покачал головой, пытаюсь отогнать эти мысли, и пошел дальше. – Это 60 иен за все, молодой человек, – сказала женщина с доброй улыбкой. Я спокойно кивнул, расплатился с ней и вышел из магазина с сумкой, полной вкусностей. Подойдя к дому, я почувствовал запах чего-то гари. Когда я продолжил, запах стал более интенсивным. Не закончив свою мысль, я побежал, мои мышцы реагировали автоматически. За считанные секунды я уже прошёл целый квартал. Через дорогу я увидел группу людей, пытавшихся потушить пожар в антикварном магазине моего отца. Я пересек улицу и протиснулся сквозь толпу, став прямо перед магазином. Место, где я прожил три года, сгорало дотла. Внезапно грубая и большая рука схватила меня за левое плечо и с силой потянула назад. – Уйди оттуда, мальчик! Ничего не поделаешь, — кричал Мойдзи, сосед и близкий друг моего отца, сколько я себя помню. Я сопротивлялся, желая броситься в огонь. Мне нужно было спасти их, помочь моим братьям и сестрам, Цунаде, Итаме, Тобираме. К черту магазин. Если и были люди, ради которых я бы пожертвовал собой, то это были они. Крича от гнева и беспомощности, я продолжал сопротивляться, но мое тело сдалось. Мойдзи крепко держал меня, оттаскивая от огня. Наконец я упал на колени и беспомощно смотрел, как огонь поглотил все, чем я дорожил. Мойдзи удалось оттащить меня на другую сторону улицы. Он сжал меня в плечо, признавая мою боль. Затем он ушел, чтобы продолжить помогать тушить пламя. Сидя на краю улицы, я заметил след фиолетовой крови, который, казалось, все игнорировали. Тропа шла по улице. Мой разум мчался. Что-то подсказывало мне, что я должен следовать этому. Я встал и побежал, схватив поблизости складной стул. Мойдзи, все еще поливая водой огонь, пытался окликнуть меня, но я проигнорировал его. Пробежав по улице, запах крови стал кислым и прогорклым. На перекрестке мне пришлось остановиться; след внезапно исчез. Однако, к моему облегчению, мои чувства снова активизировались. Моя голова резко повернулась влево, как раз там, где улица вела в парк. «Надо идти туда», —

инстинктивно подумал я, зная, что так будет правильно. — Я должен сделать это правильно, я должен их спасти, — повторял я про себя, мчась на огромной скорости через темный и безлюдный парк. Я не останавливался ни в какой момент, я знал, что мне нужно продолжать идти. Вправо, влево, затем вправо и снова влево, на этот раз влево, а затем вправо. Во мне росло чувство близости к чему-то большому, и я это знал. Я уже бежал вниз по склону, когда увидел их на свалке автомобилей. Вот они: Тобирама, Итама и Цунаде. Перед ними стоял Тобирама, одетый в небесно-голубое кимоно. Лицо его было окровавлено, а в руке он держал дрожащую катану. Он выглядел изможденным, усталым и тяжело дышал. Цунаде была не в лучшем состоянии, но, по крайней мере, она была в сознании, в отличие от Тобирамы, который всегда со строгой дисциплиной следовал приказам и правилам нашего отца. Цунаде была бунтарской душой нашей группы братьев и сестер и показала это своим нарядом: свободными брюками и топом. Она всегда так одевалась. Хотя она была в синяках, с ней, казалось, все было в порядке.

<http://tl.rulate.ru/book/109426/4098116>